

Проблема как форма знания

И. Т. КАСАВИН

Трансформации современной эпистемологии периодически ставят под вопрос смыслы, еще недавно казавшиеся очевидными, и одновременно привлекают внимание к тем понятиям, которые, казалось, не представляли философского интереса. Так, сегодня заново проблематизируются категории знания, истины, объективности, субъективности, принадлежащие к «жесткому ядру» классической теории познания. Вместе с тем расширение предметной области и методологического инструментария философского анализа знания, междисциплинарные когнитологические исследования втягивают в центр дискуссий такие понятия как дискурс, ментальность, повседневность, жизненный мир, интенциональность, контекст и др. К числу последних относится и понятие «проблема», обычно проходившая по ведомству психологии творчества («креативность как способность к решению проблем»).

Проблема — понятие, существенным образом характеризующее научную и в особенности философскую рефлексию. Убедительное различие проблем и задач сформулировал уже Б.С. Грязнов. Он предложил называть проблемой вопрос, ответ на который является теория в целом.

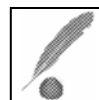
Например, проблемой, которую решала квантовая теория М. Планка, был вопрос: прерывны или непрерывны энергетические процессы, происходящие в системах, совершающих гармонические колебания? Внутритеоретические вопросы Б.С. Грязнов предложил, напротив, называть «задачами»: их решением является одно или несколько утверждений теории. В таком случае проблема и задача отличаются друг от друга не содержанием вопросов, но характером ответов: решением проблемы будет теория в целом, решением задачи – некоторая часть теории¹. Введенное Б.С. Грязновым различие предполагает, что проблема имеет внешнее происхождение по отношению к теории, которая является ее решением, в то время как решение задачи следует из той теории, в рамках которой задача сформулирована. Теоретический скачок, заостренно представленный в известном тезисе парадигмальной, или глобальной теоретической «несоизмеримости» Т. Куна-П. Фейерабенда, характеризует именно возникновение и решение проблемы. «Разгадывание головоломок», составляющее, по Т. Куну, суть «нормальной науки», напротив, напоминает решение задач. При этом, далее, Б.С. Грязнов показывает, что *исторически* теории возникают вовсе не как решения проблем. Более того, наука вообще занимается решением не проблем, а задач, и история науки не может быть представлена как история проблем. В науке проблемы не формулируются, а, скорее, *реконструируются* по уже готовому знанию: «реконструкция проблемы – это способ понимания теории»², понимания, приходящего вслед за знанием.

Б.С. Грязнов обнаруживает, что научная проблема является результатом особого рода познавательной деятельности, имея в виду историко-научную рефлексия, или реконструкцию. Она отличается, однако, от философской рефлексии. Как только мы выходим за пределы науки в область философии, мы получаем возможность ставить, формулировать и переформулировать проблемы, в том числе и такие, для которых пока не существует решения, или такие, решение которых (в конкретно-научном или практическом смысле) вообще невозможно. Философские проблемы непреходящи, но не неизменны; они не отделены от научных проблем и задач непроходимой стеной; каждый философ имеет шанс сформулировать новую проблему, которая останется актуальной достаточно долго, но, вероятно, не всегда. П. Рикер утверждает, что «Великий философ – это тот, кто открывает новый способ спрашивать»³. Фактически соглашаясь с ним, В. Гейзен-

¹ См.: Б.С. Грязнов. Логика. Рациональность. Творчество. М., 1982. С. 114.

² Там же. С. 118.

³ P. Ricoeur. Histoire et verite. P., 1955. P. 78.

берг замечает, что ученого в философии «интересуют, прежде всего, постановки вопросов и только во вторую очередь ответы. Постановки вопросов кажутся ему весьма ценными, если они оказываются плодотворными в развитии человеческого мышления. Ответы же в большинстве случаев носят преходящий характер, они теряют в ходе времени свое значение благодаря расширению наших знаний о фактах»⁴.

Опираясь на эти высказывания, Т.И. Ойзерман приходит к выводу, что «анализ формы философского вопроса выявляет специфическое, несводимое к предмету частных наук содержание»⁵. Он показывает, насколько многообразными являются философские проблемы, насколько они связаны с научными и вненаучными вопросами и задачами. Настаивая на специфике философского познания, он оговаривается, что не существует каких-то аспектов реальности, являющихся предметом собственно философского исследования. Вместе с тем философия ориентирована на некоторый «оптимум всеобщности», «философия отличается тенденцией к универсализации свойственного ей способа изучения, осмысления явлений, что означает превращение любого достаточно широкого круга вопросов науки или личной жизни человека, общественно-политических, исторических, идеологических и иных вопросов в предмет философского рассмотрения»⁶. Речь идет о мировоззренческом и методологическом содержании, которое философия обнаруживает в социальной реальности, в формах культуры, в проявлениях человеческой субъективности. Именно философия занимается исследованием этого содержания систематически и по преимуществу, в отличие от других наук, также периодически затрагивающих его.

В различных типах знания решение и постановка проблем имеют специфическую форму. То общее, что объединяет их, состоит в определенной вероятностной, нечетко определенной модальности, отличающей разрешимость проблем. Свойство проблемы – это постановка под вопрос наличного знания. Подобно тому, как смысл слова есть его употребление, смысл проблемы, а, следовательно, и проблема как таковая есть также результат работы с «проблемным» (в некотором интуитивном, предварительном смысле) знанием. Не форма и даже не содержание проблем самих по себе позволяет причислить их к философии, науке, религии или повседневному мышлению. Только

⁴ В. Гейзенберг. Открытие Планка и основные философские вопросы учения об атомах // Вопросы философии, 1958. № 11. С. 61.

⁵ Т.И. Ойзерман. Проблемы историко-философской науки. М., 1982, С. 164.

⁶ А.С. Богомолов, Т.И. Ойзерман. Основы теории историко-философского процесса. М., 1983, С. 79.

метатеоретическая рефлексия, т.е. способ их анализа, используемый при этом концептуальный аппарат, методологические подходы и отношение к определенной системе ценностей, придает им звучание, соответствующее той или иной мыслительной сфере. Не существует научных, религиозных, политических и обыденных проблем как таковых; их создает подключение к данным областям общеметодологической, теологической, политологической или философской рефлексии.

Философские проблемы отличаются от других, среди прочего, тем, что, не имея однозначного и окончательного решения, периодически приобретают и утрачивают актуальность, интерес для определенных групп людей под влиянием внешних или внутренних условий. Они могут воспроизводиться многие столетия подряд или же надолго исчезать из оборота, оставаясь в концептуальном резерве. Такое положение определяется особой ролью и высокой ценностью истории философии в системе философского знания. История философских проблем, как правило, не становится для философа паноптикумом заблуждений, но представляет собой наличные теоретические ресурсы, из которых всегда можно черпать идеи и подходы. И если что-то похожее на механизм такого тематического и методологического воспроизводства мы встречаем в науке или иной социальной сфере, то можно с уверенностью утверждать – здесь кроется философская или иная глобальная мировоззренческая проблема.

Внутрифилософские проблемы, например, имеют, как правило, низкую степень актуальности для всех тех, кто не вовлечен в процесс философского исследования или образования. Их предметом является положение дел в самой философии. Внефилософские проблемы, напротив, часто неинтересны для большого круга философов. Они в большей степени привлекают внимание «человека с улицы» (А. Шюц), стремящегося осмыслить политические, религиозные, обыденные ситуации.

Природа проблемы вообще – также специфически философская проблема⁷. В частности, это выясняется при сопоставлении разных подходов в рамках теории познания. Позитивистски ориентированная эпистемология практически отождествляла проблемы с псевдопроблемами, причисляя к знанию только утвердительные высказывания, в то время как проблема, как правило, имеет вопросительную форму. Кроме того, проблема подвергает сомнению достигнутый уровень знания и тем самым противоречит ему. Как же ее можно в таком

⁷ Подробнее см.: И.Т. Касавин. Проблема и контекст. О природе философской рефлексии // Вопросы философии. 2004. № 11.

случае причислить к «позитивному знанию?» И только К. Поппер отваживается на это, включая научные и философские проблемы в сферу «третьего мира».

Если вслед за К. Поппером реабилитировать проблему как форму знания, то можно задаться и вопросом о природе знания, выступающего в образе научной проблемы. Проблема – это не просто вопрос, ответ на который предполагает некоторое знание. Задавая вопросы типа: «Сколько звезд на небе?», «Когда произошла Французская революция?» или «Какова длина молекулы ДНК?», мы знаем точный или приблизительный ответ или, в худшем случае, знаем, где его искать. Эти вопросы могут нуждаться в терминологических или фактических уточнениях, но они не требуют поиска принципиально нового знания и не выражают сомнения в уже имеющемся знании. Напротив, проблема является системой из двух и более вопросительных суждений со строгой дизъюнкцией и содержит исключаящие друг друга онтологические допущения. Именно так обстояло дело с уже упомянутой проблемой М. Планка о прерывности или непрерывности энергетических процессов или с проблемой Н. Коперника о том, вращается ли небесная сфера относительно Земли или наоборот. Возможность формулировки осмысленных и весьма значимых вопросов, стоящих в оппозиции друг к другу, предполагает неоднородность, неполноту, противоречивость доступного нам массива знания. Проблема и фиксирует как раз дефект наличного знания (несоответствие между равно обоснованными тезисами, предпосылками и заключением, задачами исследования и его средствами, идеей и ее применением и т.п.). Тем самым проблема явно или неявно содержит знание весьма специфического, рефлексивного рода, знание, направленное на самого себя: *это знание о знании, его сфере и границах*. Знание, содержащееся в проблеме, не может быть непосредственно увязано с практикой. Оно требует, скорее, определенных теоретико-познавательных процедур, позволяющих трансформировать проблему в иной тип знания, например, в задачу, решение которой имеет отношение к реальности. Этому может служить введение новых методов исследования, переформулировка проблемы или критика ее оснований.

Открыл ли Николай Шлиман Трою? Этот, по видимости, частный археологический вопрос на деле не ограничивается экспертной оценкой раскопок, сделанных немецким ученым. Как показывает история ответов на него, он предполагает целый ряд других вопросов. Среди них, например, такие: что такое «Троя» и каковы границы идентификации археологического объекта? Что представляет собой археологическое открытие? Что имеет решающее научное значение – раскопки или их интерпретация? Существует ли одна-единственная подлинная историческая и археологическая периодизация? Каковы ценностные императивы археологического исследования? Таким образом, став

предметом философско-методологической рефлексии, открытие Шлимана превратилось в проблему, всколыхнув чуть ли не все наличное знание в своей области и даже за ее пределами. Таковы и многие другие, по видимости частные научные вопросы. Произошел ли человек от обезьяны? Элементарны ли элементарные частицы? Может ли машина мыслить? Сводима ли математика к логике? Всё это вопросы, радикальным образом проблематизирующие обширные сферы знания, диагностирующие революционные сдвиги и требующие построения интегральных теорий.

Особенность эпистемологической ситуации, когда актуализировалось понятие проблемы в эпистемологии и философии науки, состоит в ее связи с кризисом кумулятивистской модели развития знания как накопления истинных высказываний. Осознание того, что всякое знание неизбежно теоретически нагружено, привело к дискретной модели научного прогресса, в которой новая теория приносит с собой новое видение, новые факты. К. Поппер, провозгласив «перманентную революцию» как представление о постоянном выдвижении и опровержении теорий, рассматривал развитие науки как переосмысление проблем, переход от одних проблем, менее глубоких и плодотворных, к проблемам более глубоким и открывающим более обширные теоретические перспективы. Понятие проблемы, являясь формой явного расхождения старого и нового теоретического знания, обретало методологическую актуальность потому, что в центр внимания выносился вопрос о рациональном выборе теории. Решить проблему значило обосновать выбор более истинной (эмпирически богатой, логически совершенной) теории. Но тезис теоретической несоизмеримости, почти неизбежно следующий из тезиса теоретической нагруженности, сразу же перенес проблему из сферы развития научного знания в сферу рациональной реконструкции, в область метатеоретического и даже философского дискурса.

Этот ход в неявной форме уже содержался в концепции К. Поппера. Следует, как нам представляется, в полной мере осознать то обстоятельство, что основоположник критического рационализма под «перманентной революцией» имел в виду отнюдь не *развитие самой науки*, но, скорее, философские дискуссии вокруг оснований научного знания и плюрализм философских установок ученого-теоретика. Постоянное и радикальное опровержение старого знания – это не то, что реально происходит или может происходить в ходе самого научного мышления, но нормативное требование к теоретику, творчески осмысливающему историю науки и побуждающего ученых думать самостоятельно. То, что ученый в основном не решает проблем, ясно было не только Т. Куну, но и Попперу. Однако философа Поппера философия интересовала значительно больше, чем историка Куна. Попперу хотелось заставить ученого философствовать, выдвигать и решать про-

блемы; Кун же, отказываясь от всяких нормативных установок, выводит такую деятельность за пределы описываемой им «нормальной науки».

Сложившееся таким образом значение термина «проблема» содержит, поэтому, указание на принадлежность к философской, мета-теоретической, методологической рефлексии. Кроме этого, в проблеме неуничтожимо присутствует нормативный элемент, предписывающий определенную модель развития знания, в которой важное место отводится радикальному пересмотру фундаментальных теоретических допущений. И, наконец, под проблемой понимается вносимый в науку извне концептуальный инструмент, побуждающий ученых к более глубокому пониманию наличной познавательной ситуации. Признание познавательной ценности проблемы, ее легализация как предмета эпистемологического исследования вместе с тем является только первым шагом. Еще предстоит в полной мере осознать, что есть проблемы и *проблемы*, что всякая частная проблема тривиальна и, по сути, может быть сведена к задаче. Именно так следует понимать тезисы типа: «творчество – это решение проблем», «политики решают политические проблемы, а домохозяйки – житейские проблемы», и так далее.

Прояснению смысла понятия «проблема» служит анализ того специфического способа осмысления проблем, который превращает их в философские проблемы. Как философ работает с проблемой? Конечно, он стремится разобраться в ее истоках, понять ситуацию в той области знания, где возникла проблема и где ее разрешение приводит к позитивному изменению ситуации. Но именно потому, что проблема возникает за пределами уже сформированной теории (и даже как реконструкция прошлого знания), необходим выход за пределы данной предметной области. Философ, поэтому, вынужден приписывать проблеме более широкий контекст, чем тот, в котором она обычно рассматривается как научная, религиозная или повседневная проблема. Ему приходится искусственно погружать ее в, казалось бы, генетически несвойственные ей многообразные отношения. Философский дискурс требует теоретического воображения, позволяющего осуществлять нелогические, пробные, поисковые шаги, неочевидность и даже абсурдность которых иной раз бросается в глаза. Эпистемологическая реконструкция предполагает сопоставление казалось бы несопоставимого – науки и мантики, техники и магии, политики и мифологии; повседневного и экстраординарного, банального и оригинального, профанного и сакрального, маргинальной сферы и сферы мейнстрима и т.д.

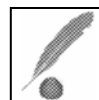
Философ действует так потому, что интуитивно или явно исходит из представления о *совокупном познавательном процессе*. Это – абстракция актуально и потенциально бесконечной предметной области

эпистемологии; знание и познание, взятые в целом, в совокупном множестве всех известных и неизвестных, реальных и возможных когнитивно-культурных ситуаций, относительно которых должна быть понята всякая отдельная проблема или ситуация. Само собой разумеется, что каждому отдельному исследователю недоступно все знание даже в его собственной сфере деятельности, и это же относится и к философу. Большинство ученых с этим легко смиряется, поскольку они работают над решением частных задач. Однако для философа всякий акт рефлексии представляет собой вызов существующему порядку вещей и знаний. Отсюда и каждая отдельная познавательная ситуация оказывается для него загадкой и тайной, вырастает до глобальной и до конца не разрешимой проблемы, подвергающей сомнению результаты предшествующей мысли. Проблема, подобно тектоническому сдвигу пласта знания, подобно гештальт-переключению, вынуждает сменить угол зрения и по-новому окинуть взглядом обширные пространства и даже выйти за видимый горизонт. Рефлексия теоретика смещается из еще недавно этаблированному центра знания и захватывает его периферические районы; маргинальное и относящееся к мейнстриму меняются местами; контекст исследования становится его объектом и наоборот. Тем самым какой-либо частный эпизод истории познания, попавший в фокус эпистемологической рефлексии, уже не может быть понят вне допущения, что он есть часть масштабного (в принципе неисчерпаемого) целого, видимого лишь с «высоты птичьего полета», а это целое – и есть подлинный предмет исследования, позволяющий установить (реконструировать, приписать) смысл отдельного фрагмента знания.

Как локализовать релевантную для данной ситуации часть совокупного познавательного процесса? Как усмотреть всю глубину содержания проблемы? Мышление, имеющее в качестве своего предмета проблему, погруженную в свойственный ей контекст, – это и есть собственно рефлексивное мышление: работа с проблемным знанием может пониматься как элементарный рефлексивный акт теоретика.

Философский дискурс, будучи направлен на проблему как свой собственный предмет, одновременно опредмечивает *всякое иное* мыслимое содержание в форме проблемы, а саму проблему использует как орудие рефлексивного мышления. Философ, надевая «проблемные очки» и практикуя «проблемное видение мира», оказывается способен различать проблему и то, что ей не является, то, на фоне чего проблема только и может быть конституирована. Ставя проблему, философ не только возвышает частный вопрос до проблемы, «делает из мухи слона», как может порой показаться. Для эпистемолога и сам контекст, из которого предстоит понять смысл знания, отнюдь не является «священной коровой»; он может и должен быть критически проанализирован и даже задан конструктивно. Философ занимается по

преимуществу тем, что мы будем называть проблематизацией контекста, проблематизацией оснований; иначе говоря, он усматривает неоднородность, диссонанс, противоречия в основаниях некоторого феномена культуры, ищет там «то, что не подходит» (Х.-Г. Гадамер), решает фундаментальную проблему интерпретации. Распознавание, конструирование, конституирование этого контекста проблемы, а затем и контекстуализация проблемы – все это проявления холистской методологии, согласно которой невозможно понять некоторый феномен только из себя самого, а взаимодействия между индивидом и средой облают исключительной важностью.

Итоги. Проблема как форма знания есть основное проявление критичности философской рефлексии, и критичности особого рода. Это критика в высоком, в кантовском смысле слова. Философ занимается не критиканством, не цепляется по пустякам к тем, кто занимается настоящим делом. Напротив, он показывает, что познающий индивид частенько занимается пустяками в те решающие моменты, когда надо копать глубже, за деревьями видеть лес, а за частным вопросом – проблему, переворачивающую привычное видение вещей. Одновременно периферийное окружение событий и ситуаций, обычно не попадающее на глаза, внезапно обнаруживает свою значимость, наделяя смыслом каждую из своих частей. Проблема выступает как неотъемлемая черта познания, понятого как сложная, саморазвивающаяся, человекоразмерная и обращаемая на себя событийность, незавершенный характер которой в наиболее явном виде проступает в открытости философского мышления.